

ВЕНУС Г. Д. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ВЕНУС Георгий Давидович, родился в 1897 в Санкт-Петербурге. В 1915 — окончил немецкое реальное училище при храме Святой Екатерины в Петрограде, служил в отделении банка «Лионский кредит». В 1916 — поступил в запасный батальон лейб-гвардии Гренадерского полка, был откомандирован в Павловское военное училище. 1 февраля 1917 — выпущен прапорщиком и направлен младшим офицером в 170-й запасный полк в Бузулук, в 1917 — отправлен на фронт, в декабре демобилизовался и вернулся в Петроград, работал дворником. В 1918 — выехал в Харьков, работал в электротехническом бюро. В июне 1919 — мобилизован в армию Деникина, при отступлении был ранен в Крыму, вывезен в Константинополь, в 1922 — выехал к родным в Германию. Работал на заводе Симменса-Шуккерта; занимался литературной деятельностью. В 1924 — женат на Мирре Борисовне Венус, в семье — сын. В 1926 — вернулся с семьей в Ленинград. Работал в издательствах, писал книги. Член Союза советских писателей. В начале 1930-х — отказ в выдаче нового паспорта; подписал обязательство выехать за 101-й километр; однако, благодаря вмешательству влиятельных друзей-литераторов высылка отменена. В январе 1935 — арестован в связи с недавним убийством Кирова, 23 марта приговорен к 5 годам ссылки в Иргиз Актюбинской области¹. Благодаря вмешательству К. Чуковского и А. Толстого, Иргиз заменен на Куйбышев. В августе 1936 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<26 августа 1936>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Весной 1935 года я был административно выслан из Ленинграда в Куйбышев. Живя в Куйбышеве, лично я ни одного заявления не подавал, так как проездом из Ленинграда в Куйбышев оставил в Москве большое и подробное заявление товарищу Ягоде и надеялся на пересмотр моего дела. Здесь, в Куйбышеве, я пытался приспособиться к новым, чрезвычайно тяжелым условиям жизни и продолжать свою работу советского писателя.

Мне известно, что Алексей Николаевич Толстой и ряд других ленинградских писателей, хорошо знающих меня лично, обратились в НКВД с письмом и характеризовали меня как человека, окончательно изжившего ошибки ранней юности и искупившего их своей работой. Письмо это было передано в НКВД в Ленинграде в начале июня месяца и ушло в Москву. Я надеюсь, что письмо это не будет оставлено без внимания, и дело мое будет пересмотрено.

Ввиду того, что не я лично писал заявление, я и не могу рассчитывать на ответ непосредственно мне. А между тем мне очень хочется знать, состоялся ли пересмотр моего дела и каковы результаты этого пересмотра.

Обращаюсь к Вам с просьбой выяснить этот вопрос и сообщить мне по адресу:

Куйбышев, XI п<очтовое> о<тделение>, Сад-город, ул<ица> Мечникова, дом 10, кв. 2

Георгию Давидовичу Венус.

Глубоко уважающий Вас Георгий Венус.

¹ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

Город Куйбышев, 26 августа 1936 года»².
*В декабре 1936 — Георгий Давидович Венус вновь просил помощи
Е. П. Пешковой.*

«Куйбышев, 16 декабря 1936 г<ода>.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Вашу справку за № 2832 я получил и выражаю Вам свою благодарность. Ввиду того, что дело мое все еще не пересмотрено, посылаю Вам мое заявление (в 2-х экземплярах) и прошу Вас передать его туда, куда Вы найдете нужным. Если Вы решите передать его в НКВД, то очень прошу Вас позаботиться о том, чтобы к этому моему заявлению приложили бы так же отзыв обо мне Алексея Николаевича Толстого и ряда других ленинградских писателей. Этот отзыв, в виде письма, был в июне месяце этого года передан Алексеем Николаевичем в Ленинградское НКВД и оттуда препровожден в НКВД в Москву.

Прошу сообщить мне, куда Вы направили мое заявление и когда, приблизительно, я могу ждать ответа.

С глубоким уважением Георгий Венус.

При сем прилагаю марки для ответа.
Гор<од> Куйбышев (краевой), XI п<очтовое> о<тделение>
Сад-город, ул<ица> Мечникова 2-я, дом 10, кв. 2
Георгий Давидович Венус»³.

К письму приложена подробная автобиография Георгий Венуса.

«ЕКАТЕРИНЕ ПАВЛОВНЕ ПЕШКОВОЙ
ПОМОЩЬ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ
Москва, Кузнецкий мост 24

Георгия Давидовича Венус,
проживающего в городе Куйбышеве,
XI п<очтовое> о<тделение>, Сад-город,
ул<ица> Мечникова 2-я, д<ом> 10, кв. 2

Заявление

Весной 1935 года я был административно выслан из Ленинграда в город Куйбышев. Вместе со мной была выслана также и моя жена Мирра Борисовна Венус. Выслан я был потому, что в годы моей ранней юности был в рядах белой армии. При составлении протокола следователь не учел ни моего добровольного возвращения в СССР, ни моей работы. Хочу в настоящем заявлении подробно остановиться на моей биографии и просить о пересмотре моего дела.

Я писатель-беллетрист, член Союза Советских Писателей. Мое тяжелое моральное состояние, оторванность от центральных издательств, с которыми я был связан в течение 10-и лет моей литературной работы, а также запрет свободного передвижения (что, естественно, лишает меня возможности знакомиться с материалом, необходимым для отображения великой эпохи) ставят меня в положение человека, не имеющего возможности никуда приложить ни силы свои, ни способности. Опираясь на слова Великого Вождя народов товарища Сталина, сказанные им на

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1520. С. 184. Машинопись, подпись — автограф.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1520. С. 176. Машинопись, подпись — автограф.

Чрезвычайном 13-м Всесоюзном Съезде Советов: "Во первых, не все бывшие кулаки, белогвардейцы и попы враждебны Советской Власти", — я прошу при пересмотре моего дела учесть факты моей биографии, свидетельствующие о том, что позорное прошлое моей ранней юности, мое пребывание в рядах белой армии, мною, по мере сил моих, искуплено моими последующими поступками, моей дальнейшей жизнью и работой в СССР.

Я родился в Ленинграде 19 декабря 1897 года. Мой отец был рабочим-прядильщиком на бумагопрядильной фабрике "Л. Кениг-младший", где проработал более 25 лет и стал мастером прядильного цеха. Незадолго до смерти, когда фабрика Кенига прогорела, отец некоторое время был приказчиком (продавцом) в одном из винных погребов "К.О. Мютт". Отец мой умер в ноябре 1904 года, когда мне было 6 лет. И покойный отец, и мать были по национальности немцами, приписанными к приходу лютеранской церкви Св<ятой> Екатерины. Богатый "церковный совет" (Kirchenrat) "помогал неимущей вдове", или, как я сейчас понимаю, воспитывая благодарных, верных и преданных государству и церкви прихожан, дал мне, сироте, стипендию и право бесплатного учения в школе при той же церкви (Katherinenschule).

Среди учеников этой школы было много дворян-остзейцев и детей богатой немецкой и русской буржуазии. Социальный состав школы определил, в основном, и лицо этой школы. Ни революционных, ни литературных, ни прочих передовых для того времени кружков, какие бывали в некоторых русских гимназиях и реальных училищах, у нас в "Катериненшуле" не было. Кончил я это училище, ее шестиклассное коммерческое отделение, в год ура-патриотизма, в 1915-м. Наше немецкое училище, в большинстве реакционное как по составу педагогов, так и по составу учеников, в годы империалистической войны играло в "ура-концертах" царской России не последнюю скрипку. Большинство педагогов, так называемые "русские немцы", боясь за свое положение, за карьеру, рьяно набивали наши юные головы такими понятиями, как "долг", "честь" и т<ак> д<алее>, применяя, конечно, эти понятия к идеям того класса, которому они служили. Весь этот хор голосов, вместе взятый хор людей, окружавших 15-16-летнего подростка, а также ходовая, всюду проникающая журнальная "литература" того времени (ставлю это слово в кавычки, дабы не запятнать высокого понятия литературы, которой служили наши классики — Пушкин, Белинский, Некрасов, Лев Толстой, Чернышевский, Щедрин, Глеб Успенский, Максим Горький и др<угие>) нашли во мне своеобразное преломление. Многие из моих родственников были германскими подданными. Те их них, которые жили в России, были во время войны, как "подданные воюющей с Россией державой", высланы в Вятскую, Вологодскую и пр<очие> северные губернии. Подсознательный протест против всемирной бойни, который иногда во мне подымался, я объяснял себе "чувством родства с немцами", моей личной привязанностью к отдельным людям и пытался заглушить в себе это первое пробуждение здорового чувства. Я считал это чувство "гражданской слабостью". Такова, в кратких чертах, была обстановка и таков был я в годы, когда вступал в жизнь.

Весной 1915 года я кончил среднюю школу и вскоре поступил мелким служащим (на 40-рублевый оклад) в отделение банка "Лионский кредит". Но долго служить в банке мне не пришлось. Весной 1916 года был досрочно призван мой год, год рождения 1897. За несколько недель до объявленной явки призывных к воинскому начальнику, пользуясь правами вольноопределяющегося, поступил в запасный батальон лейб-гвардии Гренадерского полка в Петрограде.

В 1916-ом же году я был откомандирован в Павловское военное училище, из которого 1-го февраля 1917 года был выпущен прапорщиком и направлен младшим офицером в 170 запасный полк в город Бузулук. Февральскую революцию я встретил восторженно, как и большинство прапорщиков (из бывших студентов) нашего запасного полка. Здесь я должен добавить, что политически я был совершенно неграмотен и глубины событий не понимал. Мне казалось, что огромный и великий народ, которым плохо управлял царь, убрал царя для того, чтоб самому управлять своей судьбой, — а какая же может быть судьба у народа (так думал я в то далекое время), если его победит "бронированный кулак Вильгельма"? Мой кругозор, как видно из этого признания, был еще очень узок; он не простирался дальше передовицы обывательских газет того времени; у меня не было ни настоящей культуры, ни живого опыта. Свержение самодержавия казалось мне законченной революцией. Осталось последнее "для счастья народа": удачно закончить войну. Таковы были заблуждения многих молодых людей моего поколения, таковы были и мои заблуждения. В начале лета 1917 года я был отправлен на юго-западный фронт и зачислен младшим офицером в роту 613 пех<отного> Славутинского полка (154 дивизия). В боях мне бывать не пришлось. Мы давили в окопах вшей, пили чай из консервных банок, читали газеты, которые доставляли нам в роту полковой комитет. И полковой, и ротный комитеты были эсеровского толка. Старые солдаты-фронтовики были заменены в ротах кадровиками из запасных полков; старые солдаты-фронтовики, вынесшие на плечах всю тяжесть войны и уже понимающие смысл событий, ушли в тыл. Конечно, были в роте и солдаты-большевики (рота постепенно большевизировалась: в июле и начале августа она по решению ротного комитета в полном составе вышла в так называемый "отряд смерти" при 154 дивизии, а в конце августа или в начале сентября, вернувшись в полк, уже не хотела становиться на позиции). Но мы, молодые прапорщики полка, находились под влиянием старшего командования и заезжих комиссаров Временного правительства. Лица настоящей войны я на нашем участке фронта не видел, и лозунг "до победного конца" не вызывал во мне ни политического протеста, ни протеста чисто животного, пацифистского, порожденного видом крови и ужасов.

Октябрь и события, наступившие после Октября (например, ликвидация большевиками Учредительного собрания) совершенно меня запутали. В то время я еще не понимал, что при наличии эксплуататорского класса нельзя говорить всерьез о всеобщем равенстве, что "равенство" в обстановке того времени привело бы к полному закрепощению человека капиталом.

С фронта империалистической войны я вернулся в декабре 1917 года и жил случайными заработками, главным образом — сколкой снега на улицах. При призыве в Красную Армию меня забраковали по ст<атье> 1-й (общая слабость), — голод в Петрограде надорвал мои силы. Не забракуй меня Красная Армия — моя жизнь сложилась бы иначе, перелом во мне произошел бы раньше, как произошел он у многих тысяч молодых людей моего поколения, явившихся в Красную армию по мобилизации, еще не понимая событий, и перековавшихся в огне революции, в боях — плечом к плечу с рабочим классом.

Покинув Петроград, где мне нечем было жить, я перебрался в Харьков, где некоторое время работал в электротехнической конторе "звонок". Накануне петлюровского переворота в Харькове гетманом Скоропадским была объявлена мобилизация офицеров и унтер-офицеров. Меня взяли на учет и приписали к 40 Изюмскому полку, который должен был формироваться в Харькове. Эти несколько последних дней

гетманской власти я просидел дома. Служить гетману я не хотел сознательно. От Петлюры, который более энергично прибрал к рукам мобилизованных гетманом офицеров (все это длилось тоже несколько дней), я дезертировал, не доехав до фронта и не пустив из винтовки ни одного патрона. И на гетмана и на Петлюру я смотрел, как на изменников родины, как на авантюристов. За этот короткий отрезок времени я не чувствую за собой никакой вины против Советской власти.

Признаю: армия Деникина, вошедшая в Харьков в июне 1919 года, казалась мне в те дни той армией, которая "спасает Россию", даст ей "мир и порядок". Отсюда мои дальнейшие заблуждения, моя кривая дорога. При приходе в Харьков армии Деникина я был обманут. Я был слепым и обмана не видел. А деникинская армия, скрывая свое истинное классовое лицо и вербуя себе сторонников из числа учащейся молодежи и прапорщиков военного времени, вела агитацию очень умело и ловко. Приведу к примеру песню ("марш корниловцев"), которую пели в те дни белые:

"Мы былого не жалеем,
Царь нам не кумир,
Лишь одну мечту лелеем —
Дать России мир".

Песня эта была приманкой, я был рыбешкой, и — увы! — я "клюнул". Ничто иное, кроме этой "словесности", этой показной и преступной игры в "демократию" (мы, мол, за Учредительное собрание, за волю народа! Мы — только за мир для хижин и для дворцов!) меня к белым ни привело. Ни у меня, ни у моих родителей никогда не было денег, ни недвижимого имущества, революция ничего у меня не отняла, и все же я — на время — очутился на той стороне баррикад.

В Харькове уже производились так называемые "летучие мобилизации" и уже говорили и официально писали о призыве всех офицеров, проживающих на территории, вновь занятой белыми. Таким образом, офицер, проживающий в Харькове, не мог быть не призван в ряды деникинской армии. Он мог дезертировать, но я не дезертировал, так как, повторяю, я не понимал в те дни великих идей, носителем которой была Красная армия. А агитация Освага, цветы и песни буржуазии на улицах города сделали свое дело. Я явился в Дроздовский полк, вошедший в Харьков и расквартировавшийся в городе.

Белые вышли из Харькова. Началось то, что я смело могу назвать самыми страшными и тяжелыми месяцами моей жизни. Белые очень скоро показали мне свое истинное лицо, и крушение веры меня раздавило. Белая "идея" во мне умерла, и было страшно оставаться с пустым сердцем, было страшно жить, ни во что не веря. После сыпного тифа, я, нервно заболев, попал в Екатеринодаре в психический госпиталь. При приближении к Екатеринодару Красной армии нас эвакуировали в Новороссийск, из Новороссийска — в Феодосию и таким образом я попал в Крым. При Врангеле я уже не был "белым". Но красным я тоже еще не был, я ждал конца, не зная — какого. Как человек, как личность, я в эти дни был мертв. Я могу назвать себя человеком, который, ничем в те дни не живя, еще не утратил способности ходить и двигаться. Я был автоматом.

При отступлении из Северной Таврии я был тяжело ранен и эвакуирован в Севастополь. После падения Перекопа я был вывезен на санитарном транспорте "Ялта" в Константинополь, где кое-как долечился в госпитале и откуда, связавшись с родственниками в Берлине (германцами, братьями матери. Эмигрантов среди моих родственников нет и не было), выехал в Германию, счастливо избежав Галлиполи. В Берлине, окончательно порвав с белыми, вернувшись в среду рабочих (я поступил на работу в концерн Симменс-Шуккерта) я пересмотрел мою прошлую

жизнь, вернее — последние несколько лет моей жизни (1916-20 г<оды>) понял свои ошибки и начал жизнь заново. Но об этом ниже.

О моем пребывании у белых я впоследствии написал книгу "Война и люди", которая была напечатана в государственном издательстве, переиздавалась там четыре раза и была переведена в Праге на чешский язык. О книге "Война и люди" были прекрасные отзывы в "Известиях" и в других наших газетах и журналах. Участники боев, описанные в книге "Война и люди", они же мои читатели (я встречал их среди работников военного комиссариата, среди педагогов и курсантов осоавиахимовских курсов, где проходил повторную командирскую учебу, в палатках на лагерном сборе и т<ак> д<алее>, основной читатель этой книги — военный читатель) отмечали правдивость и честность этой моей работы. Среди писателей Ленинграда я благодаря моей книге "Война и люди" (а впоследствии и благодаря моей дальнейшей работе) пользовался всеобщим уважением. Помню, например, блестящий отзыв о книге "Война и люди" Алексея Николаевича Толстого, который — по его же словам — пользовался материалами этой книги при работе над своим романом "Хождение по мукам". Я знаю, что даже одной моей книгой "Война и люди" я уже внес свою — посильную — долю в создание нашей советской культуры, и это сознание дает мне право надеяться, что сейчас, при пересмотре моего дела, меня не причислят к врагам Советской власти, не испуившим свою вину.

Возвращаюсь к дальнейшему изложению моей биографии.

Итак, в Берлине, работая и приглядываясь к новым людям, я пересмотрел и передумал свои прежние ошибки. Тесное общение с рабочими и служащими заводов Сименса-Шуккерта, борющихся за свои права, за хлеб и за жизнь, бывшими солдатами германской армии, моими бывшими "врагами", людьми, как и я, обманутыми и насильно втянутыми во всемирную бойню, — открыло мне настоящие причины империалистической войны. Я понял, кому была выгодна "война до победного конца". Встречаясь с германскими коммунистами, я понял коммунистов в России, превративших войну империалистическую в войну гражданскую. К тому же я встречался в Берлине с некоторыми советскими писателями (с Маяковским, с Б. Пастернаком; помню одну встречу с Максимом Горьким), которые в личных беседах со мной или на выступлениях в берлинском "Доме Искусств", организованном поэтом Минским и сотрудниками газеты "Накануне", с любовью и гордостью говорили о своей новой родине. Книги советских писателей, которые я стал усиленно читать, показали мне, что большевики в "Советской России" не губят культуру, как говорили об этом у белых в эмиграции, а строят культуру, что культура эта — культура новая; что строится она на новой, справедливой базе. Книги советских писателей помогли мне разобраться в том, что творилось в "Советской России" в то время, когда я был по ту сторону фронта. И я решил, что должен исправить свои ошибки, быть гражданином той страны, которая строит счастливое будущее, что я должен быть соучастником созидания новой культуры. Я нашел смысл своей жизни и "сидеть между двумя стульями" не захотел. Я подал через Полпредство ВЦИК заявление о реабилитации и о восстановлении меня в советском гражданстве. Советский паспорт я получил в конце 1922 или в начале 1923 года, точно не помню.

Сразу выехать в СССР я не мог. В Германии была инфляция, скопить денег на переезд не представлялось возможным. Между тем события в Германии развились (революция 1923 г<ода>). Я уже знал и понимал, что такое Советский Союз, я видел, с каким вниманием и любовью смотрят на него германские рабочие (об этом несколько лет спустя, уже в СССР, я написал в романе "Стальной Шлем", тоже вышедшим в Государственном

Издательстве). Белые газеты продолжали писать про Советский Союз небылицы, небылицы эти проникали и в германскую печать, дезориентируя германского читателя-рабочего и служащего. Я не хотел оставаться нейтральным и стал работать в газете "Накануне", вокруг которой группировались так называемые возвращенцы (литературный отдел этой газеты был тесно связан с советскими писателями, живущими в Москве и Ленинграде. В "Литературной неделе" печатались их рассказы, повести, стихи). В газете я начал работать в качестве переводчика на русский язык статей передовых германских журналистов, привлеченных редакцией к сотрудничеству в этой газете, потом стал писать заметки и очерки. Одновременно я дал несколько статей в "Роте Фане", которые также были напечатаны.

Вернуться в СССР я смог только весной 1926 года. Сперва, как я уже писал, у меня не было денег на переезд. В 1924 году, моя жена, имевшая очень сложную и тяжелую беременность, все время была больна. К концу года, после операции, она родила сына. Мы смогли двинуться в путь, когда ребенку было полтора года. К тому времени я уже написал мою книгу "Война и люди" и послал рукопись Борису Андреевичу Лавреневу в Ленинград. Рукопись была принята к печати, а помимо Лавренева, его отзывы о рукописи, его советы не задерживаться дольше в Германии, еще один раз подтвердили, что в советском строю я найду свое место и буду полезен и нужен. В первых числах мая 1926 года я прибыл в мой родной город.

Я не был взят в плен и не был поставлен перед "необходимостью" — хочешь не хочешь, — а перекрашивайся. Меня нельзя упрекнуть в приспособленчестве, я отверг все возможности жить и печататься за границей, в эмигрантских издательствах. Я выбрал себе единственный путь, путь советского писателя и сжег за собой все мосты. Я знаю, — будь война и попадись я к белым, суд надо мной будет короток. Они припомнят мне мою книгу "Война и люди".

С мая 1926 года по 8 марта (день моего ареста в связи с массовыми выселениями из Ленинграда) я ни разу не подвергался каким бы то ни было репрессиям и пользовался всеобщим доверием, и могу смело сказать, любовью.

И вот, после убийства тов<арища> Кирова, я, никогда не имевший никакой связи с троцкистами и зиновьевцами, очутился в ссылке, в городе Куйбышеве. Сейчас мне 38 лет. В прапорщики я был произведен 20 лет тому назад и прослужил в общей сложности не более двух лет. С тех пор прошло уже много лет; за эти многие годы, насыщенные историческими событиями, я нашел свой правильный путь. Я добровольно вернулся в СССР, чтобы честно работать, и в течении 14 лет (3-х в Берлине — журналистом, и 11 — в СССР, писателем, на глазах у всей литературной общественности Ленинграда) честно работал и работаю, ни разу не запятнав высокого звания советского писателя. Я вернулся в СССР глубоко и до конца переделанный жизнью, опытом, логикой, и мои товарищи, в первую очередь писатели Ленинграда, могут засвидетельствовать, что это так. Я автор 8 книг, большинство которых рекомендованы в рабочие и красноармейские библиотеки. В 1924-25 годах я работал по Истории заводов, и, по отзывам Лен<инградской> обл<астной> редакции, хорошо справлялся с этой трудной работой, с работой большого политического значения. Работу эту я не успел окончить. Я не успел также окончить моей новой большой работы на материале гражданской войны, над которой работал около 3-х лет. Отрывки из этого романа уже печатались в ленинградском журнале "Звезда".

Я знаю, что Советская власть и Партия не мстят за прошлое, что Советская власть и Партия доверяют тем, кто открыто и смело порвал с заблуждениями прошлого, и сейчас, когда новая Сталинская Конституция дает право выборов всем гражданам СССР независимо от их социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, когда новая Сталинская Конституция дает всем гражданам право на труд, я обращаюсь с просьбой снять с меня позорное пятно административно-ссылного и вернуть мне возможность продолжать мою литературную работу. Моя биография, изложенная в этом заявлении, глубокий перелом, произошедший во мне в 1922-23 году, мое возвращение в СССР, а также моя работа советского писателя иллюстрируют слова Великого Сталина: "Во-первых не все бывшие кулаки, белогвардейцы и попы враждебны Советской власти".

И еще я прошу дать мне возможность нести почетную обязанность всех граждан СССР, предоставить мне право защиты отечества. Живя в Ленинграде, я числился комдивом запаса и несколько раз проходил повторную командирскую учебу. Сейчас у меня нет на руках моей воинской книжки.

Георгий Венус.

Куйбышев.

16 декабря 1936 года»⁴.

23 февраля 1938 — Георгий Давыдович Венус был арестован в Куйбышеве, когда заходил в здание НКВД за изъятыми рукописями второй части «Молочных вод». В тюрьме подвергался систематическим избиениям. Заболел гнойным плевритом. 10 июня 1939 — скончался в тюремной больнице во время следствия⁵.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1520. С. 177-179. Машинопись, подпись — автограф.

⁵ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.